Грозный. Несколько дней...

Юрий Кондратьев

SHOUT
SHARE
IT

- Предисловие к рассказу
- 1990…
- 1991…
- 1992…
- 1993…
- Послесловие…

Предисловие к рассказу

Я попытался очень сжато описать хронику жизни в «мирном» Грозном до и во время «чеченской революции». Сразу приношу свои извинения за возможные хронологические неточности. Ведь за эти годы произошло слишком много событий в моей жизни, и я не могу точно вспомнить последовательность всех событий.

К сожалению, я не смог описать все, что происходило в то время, многое вспомнилось уже позже, когда рассказ был закончен. Я решил не переписывать его. Надеюсь, что даже то, что написано, дает представление читателю о жизни простых людей в те неспокойные годы.

Мои друзья, грозненцы, которые отозвались на этот рассказ, просят меня писать о Грозном еще и более подробно. Вынужден огорчить их отказом.

Слишком тяжело вспоминать это все. Вспоминать подробности и опять возвращаться в прошлое. Три года после бегства из Чечни каждую ночь я опять воевал. Каждую ночь обливался потом и просыпался от страха, когда во сне у меня не было патронов или оружия, а шаги чеченов все ближе и ближе. Каждую ночь я видел развалины домов, магазинов, вырубленные скверы и сожженный остов своей квартиры.

Сейчас я сплю спокойно и не хочу возвращаться в эти кошмары. Извините меня.

Многие грозненцы рассеяны сейчас по России. Многие из них могут написать гораздо больше и лучше, чем я, ведь я не профессиональный литератор, обычный технарь. Тех из них, кто отозвался, я попросил тоже написать об этом, но… Как написал один из них – М., он просто боится за свою семью. Ведь чечены сейчас заполонили Россию, чувствуют себя безнаказанными, и легко могут убить любого, кто отважится описать виденное. Ведь написанное становится документом, осуждающим виновников случившегося, а написавший – свидетелем. Я его понимаю и не осуждаю. Он беспокоится о безопасности своей семьи.

Мне тоже не раз поступали «отзывы» на этот рассказ с обещанием «оторвать бошку», «замочить», «прирезать» и т.д. Как видите, его опасения оправданы, ведь он в России и его защищать некому.

Рассказ написан по просьбе моего друга – писателя В.Н. Миронова (автора книги: «Я был на этой войне» – http://lib.ru/MEMUARY/CHECHNYA/byloe.txt) воевавшего в первой чеченской войне (1995).

1990…

… Ну, все! Работа закончена, теперь бегом в гараж. Недалек тот день, когда смогу наконец-то выехать на СВОЕЙ машине. Конечно это не мерс, даже не жигуль, а всего-навсего «запор». Понимаю, что стыдно в 38 не иметь машину, если всегда хотелось, но тут уже ничего не попишешь. И сам вроде не безрукий, два шестых разряда и ВКР, не считая кучи смежных специальностей, да и работаю вроде non-stop сразу после армии, да вот не повезло. И жена преподаватель что называется от бога, имеет приработок плюс к моим шабашкам, но вот на жизнь в достатке так и не наскребли. Как там по пословице: «от трудов праведных…»?! Нет, я, конечно, знаю, что про нас в России говорят, не раз слышал: – «Вы там все богатые, на Кавказе деньги лопатой гребете…!». Ну и прочую чушь.

Не могу обижаться на людей, откуда им знать, кому на Кавказе жить хорошо. Никогда ведь не писали правду о том что «старший брат» на то и старший, чтобы «младшему» дорогу уступать. Как за станком или в горячем цехе, так это – для «старшего», а «младшего» беречь надо, от грыжи и усталости. Вот и придумали такие должности как завсклад, завмаг, прораб и прочие, где «младший» мог бы себя не сильно утруждать. Ну а если учесть что у него еще тейп бесчисленный, то как только один пролез, так и потянулась цепочка всевозможных родственников на аналогичные места, где и усушка и утруска и открытые махинации можно делать. Риска никакого, вокруг все свои, но если и «загремит» кто-то, так не надолго. На Кавказе издревле барашка в бумажке почитали. Не взятка это, а подарок.

Конечно, не без того, что нацкадры и в колхозах работали, на промыслах, на фермах, но там где можно что-то иметь, исключительно только они, с некоторым процентом других нерусских. Плюс к этому привычка сорить деньгами (а чего их беречь, если легко достаются…), особенно на курортах или в министерствах, вот и пошла слава о богатом Кавказе. Сильно укрепляли эту славу и различные комиссии и проверяющие из стольного града. Гостей на Кавказе почитают, правда не всех, а начальствующих. Не только угощение царское, но и подарки невиданные. Именно после такого гостеприимства и возлюбил известный наш «правозащитник», Сергей Ковалев, своих будущих подшефных.

Ну а так как ни к лику высокого начальства ни к «младшему» брату мы не относились, то соответственно и жили мы на зарплаты и на то что удавалось подработать. Кстати сказать,

зарплаты у нас были ку-у-да меньше, чем это из России представлялось и уж совсем не такие какие москвичи получали. Да и покупать нам приходилось на «толчке» то, что они запросто в магазинах брали, за госцену. Поэтому в отпуск не к морю ехали, а в Москву, что бы хоть одежду и обувь купить не переплачивая семь шкур. Поэтому и жили от получки – до аванса, потом занимая. Кому-то в жизни повело больше, кому-то меньше, но так или иначе шла она своей чередой и каждый знал свой путь наперед.

Помню какое всеобщее ликование вызвал приход к власти Горбачева. Буквально массовый психоз. Все себя именинниками почувствовали. Если бы этим ликующим людям дано было хоть на пару лет вперед заглянуть. Круто он наворотил, такую национальную кашу заварил, долго еще чесаться придется. Наверно именно с его приходом совпало то что я стал «видеть» немного вперед, правда я это называю интуицией, ну и анализируя обстановку. Должен с горечью признать, что все мои предсказания, к сожалению, сбылись и даже гораздо страшнее, чем я этого хотел.

С машиной мне «повезло», но выбора особого не было. С каждым днем экономика все больше зверела. Гробится сельское хозяйство, химия, индустрия еще как-то держится. И если на материке еще все тихо, то у нас в Чечено-Ингушетии уже вовсю перебои с зарплатой, вот-вот что-то рухнет. Надо спешить. В результате поисков удалось найти то, что с усилиями удалось оплатить. Договорились за 6 тысяч. Рассчитался золотым кольцом, подаренным мне моей матерью еще в застое (из расчета 500 руб), облигацией займа черт-те какого года (тоже подарок родителей), выигравшей 2, 5 тысячи и 3 тысячи наличными, правда пришлось брать часть в долг у родителей одной ученицы и моя жена отрабатывала взятое еще полгода. В результате мы стали обладателями симпатичного белого кузова модели ЗАЗ-968М, с набором колес, с разобранной панелью и разобранным двигателем, шестилетней «молодости». Благодаря тому что несколько лет машина простояла в сарае, коррозия ее не успела съесть, но куры, проживающие в сарае по соседству видимо частенько навещали ее. Впоследствии пришлось долго вычищать солому и куриный пух.

Отогнали на буксире в гараж знакомого в Заводском районе и приступил к ее сборке. Автомобильного опыта у меня практически не было, разве что иногда, никаких схем тоже, но методом «бубочка к бубочке» за месяц работы (после рабочего дня), удалось оживить. Легче всего удалось разобраться с электрической частью, благо опыта в этом мне не занимать, но и

железки, в итоге, встали на свои места, с помощью консультаций у спецов. Очень много не хватало, но наши люди нигде не пропадут. Всегда можно было пробежаться по соседским гаражам. Автолюбители – одна семья, а я еще и начинающий, разве кто не поделится «с барского плеча»?! Правда просиживать за работой приходилось далеко за полночь, а иногда и ночевал там же, в гараже. В тот день когда машина начала впервые чихать, обрадованный успехом и что бы не сглазить удачу решил закончить пораньше. Было часов 9-10 вечера. Спускаться к трамваю минут 15, до Центральной. Потом до Грознефтяной и еще минут 20 пехом до 12-го Треста и дома. Маршрут наработанный, единственно о чем я не подумал, так это о безопасном времени. Но тут надо внести небольшую ясность.

Уже много лет, начиная примерно года с 80-го, нормальные люди с наступлением темноты не сильно стремились покидать безопасные стены. Ведь мы жили в республике, в которой законы и власть были сугубо номинальными, а учитывая специфические черты местного населения в вечернее время становилось, мягко говоря, небезопасно. Чечены всегда косо смотрели на иноверцев, а после того как Горбачев успешно раздробил страну и каждая национальность начала стремиться к суверенитету, изгнать «захватчиков» стали мечтать все. Ну кто-то это делал цивилизованно, кто-то лишь начинал об этом говорить, чечены же приступили к решению этого вопроса по своему. Даже в далекое застойное время наша республика стояла на первых местах по криминалу. Практически каждый чеченский или ингушский пацан ходил с ножом и без стеснений пускал его в ход. Грабежи, избиения, насилия были настолько обыденны, что уже не воспринимались. Ну разве что иногда, когда жертва оказывалась высокого полета, как например ведущая актриса одной из трупп, гастролировавшей в нашем драмтеатре. Чечены умудрились своровать ее сразу после представления и нашли ее лишь на следующий день, порезанную кусочками. Кроме этого и законы смотрели на это все сквозь пальцы. Наготове всегда стояло утверждение о «горячей, кавказской крови», кроме этого нельзя было обижать «младшего» брата. Вот если ненароком русские парни изобьют чеченских, вот тут уже все поднималось на дыбы: – «Как они посмели?! «.

Некоторые уезжали, кто-то приезжал. Уезжающих было мало, как и везде. Кое-кто, в том числе и я, начинали понимать что надвигается гроза. Сказать что она разразилась внезапно, нельзя. У нас в городе выходила на листке программа телевидения и на обратной стороне печатались объявления о междугороднем квартирном обмене. Вначале они занимали только четверть

страницы, потом их стало становиться больше. Я внимательно анализировал их количество и содержание.

Цифра уезжающих практически не увеличивалась, но число желающих приехать стало расти. При чем въехать стремились чечены. Вскоре объявления стали занимать всю вторую сторону и переползли на первую. Я четко понимал что это все значит. Говорил на эту тему с друзьями, знакомыми и с родителями. Все от меня отмахивались, несерьезно, мол. Ну понятно что чечены и ингуши хотят жить в своей республике, ведь сейчас все хотят независимости. Не раз и я хотел обменяться и разговаривал на эту тему с женой. Она была за, но… Все упиралось в родителей. К сожалению наше воспитание не позволяло нам сбежать самим и оставить наших родителей на произвол судьбы. Они же не собирались уезжать. Над моими прогнозами они смеялись. Говорили что чечены перебесятся, получат свою суверенность и все пойдет по прежнему.

– Да и подумай сам, разве они могут обойтись без наших рук, ведь техника не для них, везде русские руки нужны. Ну а нефтезаводы разве они потянут?

Ну если мои родители были еще не совсем старые, им еще не требовался уход, и в крайнем случае способные на «резкий старт» (как оно потом и вышло), то с родителями моей жены было гораздо труднее. Практически они были полными инвалидами. Если ее отец мог с палкой до Аракеловского минут за 40 дойти, хотя идти всего метров 300, то мать могла только по квартире передвигаться. Поэтому нам приходилось приносить им продукты, ходить в аптеки и каждый вечер еще помогать им по дому. Поэтому мы не могли уехать, они же тоже не хотели покидать насиженное место. Хотя у них и была прекрасная возможность, ведь их сын (старший брат моей жены) был профессором во Владивостоке и занимал в городе известное положение. Но он не проявлял никакого желания увидеть ближе своих родителей, да и они не хотели трогаться. Поэтому нам с женой и пришлось остаться. Правда учитывая предстоящие перемены не к лучшему, мы поспешили обзавестись транспортом, как бы трудно это не было. Как оказалось потом, он не раз спасал нам жизнь.

Обычно я возвращался из гаража после 12-ти ночи. К тому времени было уже более менеее спокойно. Все уже успевали нагуляться и вернуться восвояси. В этот раз, счастливый, я просто не подумал что выбрал неудачное время. Запрыгнул в трамвай, сел на одно из передних сидений за водителем и погрузился в мысли о том что еще можно сделать в «машинном» процессе. В вагоне было только несколько пожилых людей сидевших кое-где

по салону. На следущей остановке вошла кучка молодых чеченов и как всегда остановившись у заднего стекла начала гоготать. Я понимал, что если они обратят на меня внимание, мне не сдобровать, но до моей остановки оставалось всего два проезда. Однако надеялся я зря. Голоса стали приближаться и становились все более злыми и визжащими, они накручивали себя.

Мгновенный расчет – по голосам четверо. Надеяться на «джентельменскую» драку глупо. Недаром, еще двести лет назад им присвоили кличку – шакалы. Плюс к этому ножи. Если начну сопротивляться, все равно зарежут, но тогда под угрозой и моя жена, ведь они не успокоятся, пока не отомстят семье своей жертвы, которая посмела сопротивляться. Оставалось одно, скрипеть зубами и терпеть.

– Ну что, жид, здесь тебе не Москва…

Удар сбоку в лицо! Очки вдребезги, кровь залила глаз. Удары еще и еще… Перестал что либо соображать, в ушах звон, только одна мысль, не двигаться и не упасть. Остановка, голоса стали удаляться.

Попробовал провести ревизию. Осколок стекла над глазом – выдернул. Кто-то подал разбитые и измятые очки. Сказал спасибо и бросил их на пол. Встал, осмотрелся, один глаз еще видит. Те же самые пожилые люди, все смотрят вниз, в пол. Я их понимаю и не осуждаю. Только одна старушка – чеченка, недалеко от меня начала охать.

– Вах-вах! Что они с тобой сделали хулиганы?!

Вот тут я не выдержал, ручьем потекли слезы. От бессилия, от необходимости сдерживать себя и не пытаться дать сдачи, от стыда и ненависти к себе…

– А что же ты раньше молчала? Ведь это же ТВОИ внуки! Они же ОБЯЗАНЫ тебя слушать. А теперь ты меня жалеешь? Запомни!!! Когда вас будут уничтожать как бешенных собак, будут убивать твоих детей, внуков, вспомни меня! Вспомни как ты молчала!

Трамвай остановился, я вышел. Как дошел домой, не помню.

1991…

Жизнь с каждым днем становится все веселее. Безвластие. Нет, конечно люди в милицейской форме на улицах в изобилии, но республика уже вышла из подчинения каким-либо законам. Кого эта милиция оберегает – неизвестно. На улицах полно вооруженных чеченов в штатском и в пятнистом. Зарплаты и пенсии задерживаются на несколько месяцев и полностью не выдаются. Задержки становятся все дольше. Захвачено и разграблено новое высотное здание КГБ. Позже мне рассказал подробности о захвате наш знакомый, майор КГБ, работавший в этом здании. В выходной день в здании находилось только двое дежурных. Их пост находился в вестибюле. Когда толпа начала ломиться в запертые двери, один дежурный, русский, пошел к дверям что бы переговорить с толпой. Его напарник, чечен, несколько раз выстрелил ему в спину. После чего открыл двери и впустил всех желающих. Начался грабеж и вандализм. Бандиты захватили тысячу полных комплектов обмундирования и вооружения для спецназа. Но грабили не только это. Тащили все, вплоть до авторучек и бумаги. Что не могли взять, крушили на месте. В здании находилась уникальная телефонная аппаратура. Таких комплектов было выпущено всего 5 или 6 на весь Союз, стоили они колоссальные деньги. Аппаратура была расстреляна и разбита.

Позже, русские ребята, техники, из центрального отдела охраны были «приглашены» как специалисты, чтобы восстановить работоспособность аппаратуры хотя бы частично. Они рассказали мне, как своему бывшему коллеге, что они там увидели. Все здание было превращено в один огромный туалет и свинарник. Ободранные, грязные стены, кучи кала в коридорах, лужи мочи и блевотины. На аппаратуру нельзя было смотреть без содрогания. Порубленные кабеля, вырванные из панелей провода, там где находились какие-то индикаторы или лампочки, разбросанные и раздавленные блоки и платы. Конечно ни о каком восстановлении говорить было нельзя. Но даже если бы что-то и можно было сделать, ребята не имели желания об этом говорить. Они уже знали что это будет работой на врага.

Какое бы ни было общее убеждение что все работают только за деньги, но люди уже начали просыпаться. Не все продается и покупается…

Захват произошел, Москва предпочла его не заметить, чечены убедились в своей безнаказанности. Но об этом знали немногие даже у нас в городе, ведь никого не интересуют подобные

ведомства и их судьба. Гораздо больший резонанс в городе вызвало похищение ректора нашего университета – Канкалика.

Цель похищения была довольно проста, несмотря на все последующие официальные версии и объяснения. Чечены дали понять, кто в республике хозяин, и что будет с теми кто этого не понял. Ведь происходил процесс выдавливания неверных со всех руководящих должностей. Среди наших знакомых были люди разных слоев, в том числе и руководители различных предприятий и заводов. От них мы уже слышали о том что чечены предлагают им уйти со своих должностей. Но всерьез никто к этому не относился. После этого демонстративного похищения, все поняли что это всерьез. Похищение происходило нагло и открыто. Среди рабочего дня, во время обычных занятий, подъехавшие вооруженные в штатском чечены прошли в кабинет ректора, вывели его, запихнули в машину и благополучно уехали. Свидетели которые там оказались, резко все забыли и отказались что либо говорить. Через несколько месяцев официальных поисков, где-то якобы нашли сожженный труп, но настоящей правды мы видимо не узнаем никогда. Только в одном можно не сомневаться, смерть Канкалика была ужасной, ведь попасть в руки зверей в людском облике, это страшно.

Каждый день ходим на работу, обсуждаем новости и все время состояние какого-то сна. Нереальности происходящего. Вроде все как всегда, но что-то угрожающее висит над головой. Стали постреливать. Магазинные полки начинают пустеть. Продуктами можно запастись только на базаре. Цены растут, но денег практически нет. Взять из сберкассы свои кровные, то что откладывалось годами на черный день – невозможно. Вечером город пустеет. Где-то вспыхивают перестрелки. Кто с кем воюет, неизвестно. Те, у кого есть огороды или дачные участки отваживаются на вылазки к ним только в дневное время, но часто бесполезно. Урожай уже кем-то собран, а от сторожей ничего толком не добьешься. Да и что может сделать дедуля с двухстволкой против бандитов вооруженных современным оружием. Единственное что он может, забиться в свою хибару и молиться о том что бы его не тронули.

Ко мне на работу позвонил отец.

– Ты был прав, срочно ищи кому продать нашу квартиру, мы с матерью хотим уехать.

– Дозрели?

– Да, это ужасно. По телефону говорить не хочу, приезжай.

Хрущевка моих родителей стояла в центре, на ул. Партизанской, напротив художественного фонда республики. Со своего четвертого этажа они собственными глазами наблюдали

картину, которая со временем стала обычной в разных местах города. Возле здания фонда проходили несколько русских парней. Мимо них проехала Волга, потом остановилась. Из нее выскочили несколько вооруженных чеченов и буквально в упор изрешетили ребят из автоматов. Потом не спеша сели в машину и так же не спеша уехали. Ни о каких мафиозных разборках речи быть не могло, у нас такого никогда не водилось. После того что мои родители увидели, до них наконец дошло что такое «независимая Ичкерия». Они оба прошли войну, воевали, но эта картина потрясла их своей бессмысленной жестокостью.

Знакомых, среди чеченцев у нас было много, но выбрать из них наиболее подходящего покупателя, чтобы за эти же деньги не пришлось платить собственной жизнью, оказалось труднее. Но в любом случае, через неделю вопрос уже был решен. Один из наших приятелей, преподаватель университета, интеллегентный парень нашего возраста с удовольствием воспользовался этой возможностью. У него возвращались из России родственники и довольно символическая стоимость квартиры, так как цены уже сильно упали вниз из-за большого оттока населения, их только обрадовала. За несколько дней перед продажей квартиры отец попросил меня перегнать его машину – пятерку, к родственникам в Прохладное. Сам он водителем был аховым, если сказать честно, не накатал на ней за 3 года даже обкатки и такого пути просто не осилил бы. Это путешествие было очень рискованным, если сказать мягко, ведь часто у нас убивали водителей даже за более старые машины, случаев было много, причем не только неверных, но даже и своих, а тут практически новая, экспортного варианта, пятерка. Но выхода не было. Отец с ней расставаться не хотел, это была его любимая игрушка, которую он смог купить честно отработав всю свою жизнь. Выезжал только иногда на рыбалку и в гости, остальное время только сдувал с нее пыль и елозил губкой.

Собирался я недолго. Положил в багажник 2 канистры бензина, так как перебои с бензином были уже довольно часты, для маскировки – старую сеть, еще какого-то рыбацкого хлама, и 2 бутылки водки в бардачок. Конечно водку я брал не для того что бы пить, но эта «валюта» всегда была в ходу. Утром, пораньше, пришел в гараж, перекрестился, хоть и был еще не крещенным и стартовал. Самое страшное и рискованное это пересечь нашу границу.

До поста отделяющего Чечено-Ингушетию от Осетии я доехал часов в 10 утра. Старался специально не слишком рано, что бы не привлечь к себе лишнего внимания, а так, чтобы какое-то движение уже началось. Подъезжал тоже не очень быстро. Как

назло, ни одной машины попутчика не было, да и кому охота шлятьсяб чтобы на пулю нарваться, машин вообще практически не встретил. Не повезло. От костра, горевшего невдалеке от поста, окруженного кучкой людей кушавших шашлык, встала фигура и пошатываясь пошла ко мне, даже не делая знака остановиться. Однако, чуть не волоком, за ремень, он тащил автомат, а возле отдыхающих стоял крупнокалиберный пулемет направленный вдоль дороги по направлению к Осетии. Конечно если нажать на газ, то через несколько секунд я смогу оторваться на сотню, другую метров, и он вряд ли попадет, реакция у него не та, но пулемет установлен уж очень удачно, и дальность стрельбы у него куда больше, а машина может к сожалению двигаться только по этой прямой дороге. Пришлось тормозить и сделать лицо как можно радостнее. Вышел из машины. «Джигит» с опухшим, небритым лицом, даже не смотрел на меня

– Что в багажнике?.

Увидел канистры

– Вино?

– Да нет, бензин, на рыбалку еду, где там заправляться?! А водку конечно прихватил, какая же рыбалка без водки?

Только тут «джигит» поднял на меня взгляд, правда не знаю видел он меня или нет, настолько его взгляд был бессмысленным.

– Водка – это хорошо, а то у нас кончилась.

Я мгновенно нырнул в бардачок и протянул ему обе бутылки. Он схватил их и уже отворачиваясь от меня сказал:

– Будешь ехать обратно, вина прихвати…

Стараясь не спешить, я сел в машину, завел и медленно тронулся с места. Стал плавно набирать скорость, все больше и больше. Вперед я практически не смотрел, дорога пустая, только в заднее зеркало, не встает ли кто от костра к пулемету и все время наращивал и наращивал скорость. Несколько километров разделяющие посты Чечни и Осетии я пролетел мгновенно, как мне показалось, хотя это были одновременно самые долгие секунды в моей жизни. Когда я оторвал взгляд от зеркала, то увидел впереди осетинский пост, бетонные блоки поперек дороги, на обочинах ежи и поперечные нашлепки на асфальте. Сразу начал тормозить, но скорость была огромной и влетел на эти нашлепки на весьма приличной скорости. Еще метров двадцать – тридцать я чувствовал себя как на гигантском вибростенде, только с трудом удерживая руль. Наконец машина в последний раз ударилась и заглохла. Приехал… От поста ко мне уже бежала цепочка людей в милицейской форме, на ходу передергивая затворы автоматов. Я поспешил выйти и сразу поднял руки. Старший из них, осетин, посмотрел на мои номера, потом на

лицо и сказал не то с вопросом, не то утвердительно.

– Русский? Из Чечни?

Мне оставалось только кивнуть головой. Автоматы опустились.

– Помощь нужна?

– Нет. Хочу только осмотреть машину, ей здорово досталось.

Осетин заулыбался.

– Штраф за превышение я тебе выписывать не собираюсь, хотя несся ты как на гонках. Страшно было?

Я неопределенно пожал плечами, не могу же я признаться что было очень страшно.

– Ничего, теперь не волнуйся, езжай спокойно. Все в порядке, ты не первый оттуда.

Мне протянули сигарету и только теперь я заметил что у меня сильно дрожат руки. Покурил, отдышался, заглянул с разных сторон под днище, подергал железки и тяги до которых мог дотянуться. Вроде ничего не оторвалось. Крепкие же у нас машины делают! Попробовал завести. Завелась, правда не с первого раза, а со второго. Послушал внимательно, звук чистый. Вспомнил, полез во внутренний карман за документами, вытащил. Осетин опять заулыбался.

– Не надо! С тобой и так все ясно. Обратно не собираешься?

– Машину отгоню и вернусь. Там жена.

Он участливо покачал головой.

– Да… Ну тебе виднее. Удачи!

– Спасибо.

Помахал автоматчикам рукой, сел в машину. Прополз между блоками и постом и, уже не спеша, поехал дальше. Когда проезжал мимо следующего поста меня даже не остановили, хотя внимательно смотрели. Видимо им сообщили с того поста. За этот день я пересек 5 или шесть республиканских границ, специально старался сделать круг. Зачем? Не знаю, на всякий случай. В Прохладном поставил машину к родственникам в гараж, оставил им ключи и документы на машину и вечером сел на проходящий поезд, обратно в Грозный.

Через несколько дней погрузили вещи родителей в контейнер и в этот же день сели на поезд. Очень трудно было достать билеты на конкретное число, но пришлось напрячься, много переплатить, но выехать надо было сразу. За продающими квартиры часто охотились. Только наивные люди могли оставаться в городе после продажи. И часто к таким приходили ночные гости. Мы старались избегать глупого риска. Родители попросили чтобы я проводил их к родственникам в Рязань. Доехали без проблем, правда из купе, лишний раз старались не

высовываться. В Рязани родственники нас встречали. Когда мы вышли на пустой перрон, нас охватило какое-то странное чувство. Мы ехали в машине по городу, отвечали на вопросы, но это чувство нереальности происходящего, нас не покидало. И только когда мы сели за накрытый стол, наконец-то поняли в чем дело. Ведь нигде мы не видели бесчисленных вооруженных людей, ни в штатском, ни в пятнистых комбинезонах, мы просто отвыкли от нормальной, мирной жизни. Конечно у нас не было войны, но город был фронтовым. Мать спросила у меня:

– Может ты останешься, не будешь возвращаться?

– Мама, там же Ирина!

– Да, я понимаю…

И вдруг у матери случилась истерика:

– Да за что же вам это? Ну ладно мы воевали, но ведь это были фашисты! А вам то за что? Вам за что умирать???

Ее с трудом успокоили…

Через день, рано утром я уехал обратно. Я попросил что бы никто меня не провожал. Встал затемно, оделся и вышел. Вещей у меня не было, только билет и деньги.

Больше матери, живой, я не видел. Теперь я не могу даже посетить ее могилу…

1992…

… Утро довольно морозное. Сбрасываю снег с машины, начинаю процесс ее оживления. Сделать из нее конфетку так и не сумел. Иногда думаю что она построена как большой детский конструктор, из серии Сделай Сам. А может просто автомеханик из меня хреновый.

В теплое время заводить ее еще ничего, но зимой… Вот теперь и разматываю провод удлинителя, до столба с розеткой. Хорошо что отец, уезжая, оставил мне свой гараж и кучку разных железяк впридачу. Нет, он не был технарем, но любил покупать разные приспособы и инструменты, наверное ему нравилось считать себя на все руки. Но теперь все эти железки меня здорово выручают. Например вот этот ящик, под названием: Стартерно-зарядное устройство. Не представляю, чтобы я сейчас без него делал. Накинуть крокодилы на клеммы – пять секунд, зато теперь самое веселое. Минут двадцать кручения, подсосов и после одного, двух чихов, наконец-то завелась! Теперь вытянуть ручной газ и спокойно заниматься физзарядкой, очищая выезд для машины. Гараж, которым я теперь владею, находится в Микрорайоне. Он конечно солидный, капитальный, с подвалом из двух небольших комнат, но единственная беда – далеко. Конечно трамваи тоже ходят, но между консервным заводом и микрорайонами очень уж небезопасная зона. Лучше от греха подальше. Конечно, когда машину надо подремонтировать, а это случается гораздо чаще чем хотелось бы, примерно каждый третий или четвертый день, тогда приходится базироваться там. Но обычно я стараюсь сделать это за световой день и к вечеру отогнать машину на открытую стоянку возле Красного молота. До этой стоянки от дома самое большее 15 минут, а это уже важно. Меньше времени пешком – меньше риска. Да и охрана – ребята чеченцы, а «ворон ворону…. « и т. д..

Теперь можно и выезжать. Для начала маршрута в молочный магазин, на проспекте. Скоро привезут бочку. Часик ожидания и вот она, долгожданная. В очереди уже человек 150-200, я недалеко от начала, преимущество ранней птички. Купив молоко надо отвезти его теще. Молоко, правда привозят не каждый день, но спасибо, что вообще привозят. Хотя называть его молоком можно с большой натяжкой. Если его вылить из банки, то мыть ее практически не надо, стекло светлое. Следующий рейс – отвезти жену в школу. Школа моя родная, в»– 41, я ее оканчивал. Наш выпуск был первым выпуском этой школы. Теперь там же работает моя жена. Конечно она могла бы доехать и на автобусе,

но на машине все же и быстрее и мне спокойнее. Ну а после этого на основную работу – извоз! Понимаю конечно, что «запор» не жигуль, даже не москвичок, но тем не менее тоже позволяет зарабатывать. Да и не каждый владелец жигуля или москвича захочет везти абы кого, эта поездка может последней оказаться, ведь сейчас оружия нет разве что только у русских, а вот на «запоре» я все же меньше рискую, хотя конечно тоже машина, их тоже угоняют. Ну а водители – кому как повезет. Конечно опасно, а что делать? Зарплат нет. Все деньги что поступают в республику идут прямым ходом к Дудаеву. Вот на зарплату для его гвардии они есть всегда. Ну и на оружие видимо тоже беспрепятственно, недаром оно продается не только на базаре, а уже прямо напротив банка. Ассортимент конечно обширный, можно купить от ножа – до миномета. Патроны, мины, гранаты тоже в изобилии. Слюнки текут, но не по зубам. Это только чеченам доступно. Для нас же, даже стоимость одного автоматного патрона, 60 р., уже кусается. Да и не положено русским оружие иметь. Это привилегия только для своих. Мы же чужие, на нас объявлена охота, и в прямом, и в переносном смысле.

После всенародного и «добровольного» волеизъявления, когда воцарился ставленник кремля генерал Дудаев, о чем кстати даже сами чечены не скрывали, после позорного вывода безоружной российской армии с собственной территории, от нас все поспешили откреститься. Ельцин со свитой продал нас или подарил, как и российское оружие, своему протеже. В результате, мы стали чужие всем. Чеченам – как «захватчики» или «оккупанты», которых они всегда мечтали «резить», Кремлю – как «подданные» другой территории. Правда до сих пор так и неясно в чем же мы так успели провиниться?! Может в том, что всю жизнь честно работали на страну под названием СССР? Или может в том, что наши родители и предки обильно орошали эту землю своей кровью во всех войнах и своим потом, когда строили заводы и города?

Зато теперь уже наша кровь поливает эту же землю. Вечерами, когда мы съезжаемся с «работы», ведь только этим теперь и можно хоть что-то заработать, обмениваемся новостями и слухами. Несмотря на то что в мирное время в городе было 470 тысяч населения, все равно каким-то боком мы все знакомы. Имеем общих знакомых, работали на тех или иных заводах, учереждениях или знаем кого-то с них. Начинается как всегда невесело, впрочем так же и заканчивается.

– Такого-то знаете? Там-то работал?

– Да, знаем.

– К нему ночью вломились… Его, жену, детей – всех под

нож… А такого-то? Помните?

– Его тоже… На днях…

Когда просто убивали, это уже как-то не пугало, но часто резали живых на кусочки, насиловали маленьких детей и сбрасывали с балконов… Это было страшно. Кто-то отмахивался: – «да брехня все это, вы же лично не видели?! « Но со временем такие перевелись. Впрочем и спрашивать что нового, тоже перестали, и так все ясно. Да и привыкли все. Смерть уже не казалась каким-то пугающим словом. Она просто была рядом с нами каждый день, каждую ночь, каждую секунду.

Но жизнь шла, кушать хотелось, хоть это и вредная привычка. Каждый крутился как мог. Некоторые шли в дудаевскую гвардию и гордо ходили увешанные оружием, но к счастью, таких иуд было очень мало. Мне с моими ребятами, которые занимались установкой и ремонтом охранно-пожарной сигнализации официально предложили восстановление порушенной сигнализации в одном из захваченных военных городков. Оплату обещали из кассы гвардии по их же расценкам, до 50 тысяч в месяц. Должен сказать, что эти суммы для нас выглядели фантастически. Для себя я конечно твердо знал, что никогда не буду работать на врага, но ребятам конечно сообщил, ведь это их выбор. Они мне ответили очень «ласково», спасибо что морду не набили, но я был рад. Серебренники их не прельстили. В общем работа закончилась. Наступило время выживания.

Не могу сказать что всегда везло, но иногда удавалось заработать на бензин, на 100 г. колбасы и несколько яиц. Тогда у нас дома был праздник. Половину колбасы и все шкурки с нее честно получал Тедди, наш черный кот. В обычные же дни он ел только хлеб, иногда для вкуса слегка помазанный кабачковой икрой. Может кто помнит такую, в полулитровых банках, которую никто и никогда не покупал? Так это оказывается деликатес! Жаль что мы в мирное время этого не понимали. Чаще всего мы кушали просто картошку, которая правда тоже имела зубы. Частенько были дни, когда мы варили в день по одной картофелине и аккуратно разрезали ее на 3 части, на завтрак, обед и ужин. Шкурку с нее конечно тоже для Тедди. Это его доля. Сильно выручал хлеб. Нет, это не те белые буханки, которые всегда лежали на прилавках. Это серо-землистые кирпичи, внутренность которых к вечеру превращалась в какую-то кислую, с противным запахом и вкусом, жижу. Но корочки с него кушать еще можно было. Ну а когда его только купишь, он еще весь съедобный. Вот это уже хорошо. Можно есть сколько хочешь. Правда купить его было трудненько. Возле центральной булочной очередь собиралась задолго до привоза. Когда привозили, то в

первую очередь отпускали чеченам, потом уже тем, кто посильнее и понаглее, ну а потом остальным, кому хватит. Не знаю как штурмовали Зимний, но наверное не более яростно чем нашу булочную. Конечно не все так питались, нам просто не повезло. А вот соседи моей тещи, так и не заметили, что власть сменилась. Все так же набитый холодильник, сервилат, сало, икра. Наверное надо было и мне искать тещу зав. ювелирным магазином. Но тогда боюсь не повезло бы уже с женой, ведь всех удовольствий сразу не получишь. Нет, уж лучше жену хорошую, а с ней и трудности не страшны, пробьемся!

На бензин тоже не всегда удавалось заработать, если даже и удавалось, то заправка была проблемой. Не на каждой заправке был бензин, и если он был, то очередь вытягивалась чуть ли не на километры. Конечно и там «джигиты» наровили вперед проскочить, частенько и оружием размахивали, но все водители понимали, не заправишься – хана, завтра не сможешь выехать, нечего будет есть. Поэтому стояли непреклонно. Как-то раз, один обозленный «джигит» отъехал на своем БМВ и высунув в окошко автомат дал очередь веером. Никого к счастью не зацепил и поспешил сбежать. Наверное понимал, что в очереди тоже не ангелы собрались. Я слышал, что часто такие инциденты кончались более трагично.

После уроков, когда жена заканчивала работу, ехал за ней. Категорически запретил ей выходить из школы, приказал ждать меня, на сколько бы я не задержался. Уже неоднократно запихивали русских девушек и женщин в машины и они пропадали бесследно. Кстати, один такой случай произошел на ее глазах, с ее ученицей, спасибо какой-то старик чеченец вступился и отстоял девочку. На другой день эта ученица в школу не вышла и вместе с семьей они быстро уехали. Вообще количество учеников очень сильно поредело. Директор школы, Гельман, нанял двух боевиков для охраны школы а заодно и своей машины, стоявшей возле школы. В основном оставались чеченские дети которых доставляли и забирали из школы на машинах. К концу уроков территория школы напоминала приличный автопарк, невзирая на бывшие клумбы и дорожки. Тут, кстати, проходимость моего броневика, очень даже пригодилась. Я занимал самую лучшую позицию поближе к дверям. Владельцы мерсов, ауди и БМВ даже не обижались такой наглости, они знали что на этой машине приезжают за учительницей. Терпели.

То что моя жена была уникальным специалистом, преподавателем английского с огромным авторитетом, нас очень выручало в это голодное время. Ведь дети чеченской и ингушской

элиты собирались учиться в ВУЗах Англии. Многие из них собирались в Арабские Эмираты. Национальная интеллигенция уже видела возрождение дикости с приходом Дудаева и не собиралась возвращаться в темные ущелья, откуда вышли их предки. Многие из них готовились уезжать. Поэтому частное преподавание время от времени давало нам заработок. Открыли курсы для уезжающих за рубеж, тоже подспорье, хотя денег у людей было уже не густо. Иногда хватало даже на мясо. Правда мясом довольно трудно назвать некоторое количество костей с прожилками и корочкой непосредственно мяса, но это тоже неплохо. Мясо на рынке отпускалось аналогично хлебу. А если покупатель чем-то не нравился продавцу, то тот вообще ничего не давал. Выручали нутрии. Может знаете такое животное из породы водяных крыс? Прекрасная штука, я вам доложу. И очень даже вкусная!

В мае к нам пришло горе. Умер отец моей жены. В последнее время он был молчалив. Много переживал, но держался молодцом, настоящий казак. Переживать было из-за чего. Деньги, которые он собирал всю жизнь на обеспеченную старость, ухнули в одно мгновение, сберкассы не отдавали ни рубля. Как серьезный и умный мужик он прекрасно видел что делается вокруг и что мы с женой все время рискуем оставшись из-за них, но уговорить свою жену на выезд было выше его сил. Ее эгоизм был беспределен. Не раз он говорил нам чтобы мы бросали их и уезжали, но мы не могли этого сделать. Я бы мог, но моя жена была им слишком хорошая дочь. В конце марта пришло письмо от их сына – профессора. В нем он подробно нарисовал план своей квартиры, где стоит какая мебель и объяснял что не сможет никого принять, даже: «если вас будут выгонять под автоматами». Несколько дней отец вообще ходил не произнося ни одного слова и… – инсульт. Мы подняли на ноги всех знакомых медиков, кого смогли достать. Правдами – неправдами, удалось найти какое – то лекарство, которое ему вводили. Жена делала ему внутривенные инъекции. Практически полностью парализованный, он все время показывал мне глазами на свою тумбочку с книгами. Мы с женой обыскали ее всю, показывали ему все что там было, но он «говорил» нет, и опять указывал на тумбочку. Так и не смогли мы найти то, о чем он думал. Несмотря на все наши старания через 9 дней его не стало. Наша знакомая, прекрасный, опытный врач сказала что шансов у него не было никаких, и все эти дни он тянул только благодаря нам.

Похоронные хлопоты наверное самые трудные из всех, а тем более в такое трудное время. Благодаря машине я сумел сделать в одиночку все, чем в нормальное время занимаются двое-трое.

Досок не было, материи тоже. С помощью магарычей удалось заинтересовать мужиков из похоронной конторы и они нашли где-то сырую древесину. На материю пустили простыни. Могила, справки, не помню, что еще, но все удалось успеть. Похороны были немногочисленными, но все удалось обставить по-людски и отдать последний долг хорошему человеку.

Нам пришлось переехать к теще, а свою однокомнатную квартиру продали маклеру за 40 тысяч вместе с мебелью. Это были настолько смешные деньги что их с трудом хватило рассчитаться за похороны. Ведь несмотря на проданные кольца, серьги, пришлось еще и занимать.

Жизнь, если так ее можно назвать, шла своим чередом. Ложась спать не были уверены что проснемся завтра. На хорошие квартиры шла охота, ведь с гор спускались новые и новые «джигиты», каждый хотел жить в большом городе и иметь квартиру. А квартира тещи была в доме старой постройки и считалась из хороших, да еще в самом центре, напротив Главпочты.

Беспредел только рос. Перед сном я проверял свой обрез, сделанный моим товарищем из двуствольной вертикалки 28-го калибра, клал его под руку. Если на улице было тихо, то заснуть не удавалось, тишина пугала. Когда то тут, то там поднималась стрельба, то уснуть можно было. Правда еще некоторое время мы с женой спорили из чего сейчас стреляли. Она настолько хорошо научилась отличать оружие по звуку, несмотря на его разнообразие, что частенько даже меня обставляла. Наверное помогал фонетический слух. Поспорив, можно было засыпать, конечно прислушиваясь. Научились спать в пол уха, стали ближе к природе, к нашим меньшим братьям.

Как-то днем среди табличек разных учереждений на стенках возле подъездов в нашем большом, кольцевом дворе заметил «Республиканское Казачье общество». Мне стало интересно. Дело в том, что я уже давно стал осознавать, что не хочу быть очередным бараном для заклания. Конечно знал, что мы все под Богом ходим, но решил отдать свою жизнь, если уж придется, как можно дороже. Стал слегка вооружаться, в зависимости от возможностей. По крайней мере нож и обрез в самодельной кобуре имел всегда, конечно под курткой. А два патрона в стволах, это два чечена, в одиночку уходить скучно, с команией завсегда веселее. Да и знакомые чечены как-то больше зауважали. «Джигит» же по натуре молодец – против овец! Вот на безоружных да с автоматом – он герой! А тут замечать начали, «мужчиной» называть стали, знакомые конечно. И что странно, я вообще никогда оружие не демонстрировал, глупо это и опасно, правда

ножны иногда из под куртки высовывались, но видимо они тоже нюхом чуют. Стал своих надежных товарищей прощупывать, хоть и мало их уже осталось. Вывод печальный. Разучились русские сражаться. Недаром нас советская власть долгие годы воспитывала. Правда один товарищ, тот который мне с обрезом помог, тоже не промах оказался. Тоже был «всегда готов».

В общем вспомнил я что от казаков происхожу, гордого и независимого народа, стыдно мне стало. Предки с голыми руками на штыки лезли, в окруженных казачьих селах никогда пленных не было, потому что сражались до последнего и старые и малые, а мы? Совсем обмельчали. Моя мать в 17 лет на фронт ушла, Грозный защищала, ранения имела, а я??? Враг по городу ходит, направо налево людей режет, а мы все в цивилизованных играем. А может это трусостью называется? Так может хоть казаки проснулись?

Поднялся я на какой-то этаж. Большое пустынное помещение типа зала, ряды стульев. В углу стол, за которым какой-то мужчина бумаги не спеша перебирает. Поздоровался я, представился. Мужчина обрадовался, руку мне пожал, спросил чем помочь может. Решил я не тянуть кота за хвост, а спросил прямо, не пора ли братьям казакам за оружие браться или ждать будем, пока уже некому станет? Поскучнел мужчина и начал мне как ребенку объяснять, что не наше это дело, что для этого государство есть. А сейчас мол, самое главное к выборам атамана готовиться, вот это насущное, сегодняшнего дня дело! Понял я, зря пришел. Не стал до конца дослушивать… Вышел на улицу, а там солнышко светит, погода – просто загляденье, живи да радуйся! Ну что ж, будем радоваться…

1993…

Можно считать что устроился неплохо. Осенью прошлого года понял что надо искать выход, оставться в Грозном бессмысленно. Убьют все равно, рано или поздно. Подвернулся знакомый парень порекомендовал попытаться устроиться на одну из баз отдыха, под Загорском. Поехал на разведку, удалось. Директор понял свою выгоду и несмотря что я иногородний, взял электриком. Ну правда работал еще и водителем и кочегаром, сторожем и потом еще энергетиком, все за одну зарплату, но с директором договорился о привелегии. Каждый месяц, после получки, покупал билет туда и обратно, оставлял капельку на питание и на всю оставшуюся сумму закупал продукты у нас же в столовой. Конечно выходило не ахти как много, но сумку набивал, для моих это было огромное подспорье. Я же потом питался консервой минтая в томате и хлебом, иногда подкармливали в столовой, да и в гости часто приглашали. Практически неделю из месяца я отсутствовал, но директор закрывал на это глаза, он был тоже человек и понимал мою ситуацию.

Мне страшно трудно было решиться уехать на работу и бросить жену. Я долго не мог этого сделать, но другого выхода не было. Пришлось рисковать. Конечно мой риск был минимальный, но знать что ты в безопасности а жена там…, этого и врагу не пожелаешь. Конечно перед тем как уехать я предпринял все, что можно было. Тщательно обучил жену пользоваться обрезом, заставил понять, что нельзя сомневаться если кто-то пытается взломать дверь и стрелять надо не колеблясь. Когда я испытывал обрез на бой, пуля легко пробивала сороковку и наполовину заходила в следущую, заряд был усиленный. Поэтому я знал, что из квартиры можно легко пробить и дверь и того кто за нею. Так же учитывал и психологию «джигитов», если из квартиры стреляют, то полезть они вряд ли решатся. Кроме этого обучил ее как вести бой в квартире и куда встать в простенок, если в окно кинут гранату. Если все же в квартиру ворвутся, то как последний вариант – использовать свою гранату. По нашей просьбе один из наших знакомых чеченцев купил мне на базаре лимонку, хотя отлично знал для кого она предназначается. Я попросил купить именно такую гранату, так как прекрасно знал ее действие и собирался использовать ее только в последний момент, что бы не попасть к ним живым и не уйти в одиночку. Смешно получается, всю жизнь дарил женщинам только цветы, а собственной жене пришлось дарить оружие и учить ее убивать врагов и себя…

В общем, за то, что она в квартире будет защищена, я был почти спокоен, да и чечены соседи тоже знали, что там может быть сюрприз, разве что какие-то залетные могли попробовать. Но основная опасность была на улице. Ведь жена продолжала ходить на работу, несмотря на мои запреты. Есть две профессии чокнутых, для которых служебный долг превыше здравого рассудка, это врачи и учителя. Вот из-за этого я себе места не находил на работе, все время был злым и стремился как можно скорее попасть домой. Конечно поезда были уже не те, что в мирное время. Каждая поездка представляла из себя рискованное предприятие. На участке от Москвы до Ростова все было более или менее спокойно, от Ростова же и далее начиналась неизвестность. Часты были и грабежи поездов и просто убийства, ведь вошедшие вооруженные молодчики сильно не церемонились, по праву сильного. Защиты не было никакой, милицию ничего не интересовало. Проводники предпочитали забиваться в свои купе и оттуда не высовываться, кроме как открыть и закрыть вагон на какой-то станции. Часто в окна летели камни и пули, поэтому рекомендовалось с наступлением темноты окна зашторивать. В общем приключений хватало, практически ни одной поездки без них не обходилось, но мне везло, даже стекло рассыпавшееся на мелкие крошки от чьей-то пули меня не сильно поцарапало.

Приезжая домой опять садился за баранку, что бы еще как-то подработать. С каждым разом это становилось все опаснее. Больше убивали водителей и угоняли машин. Не обходило это стороной даже чеченцев, занимавшихся извозом, как и мы с ребятами. Заглянул как-то на стоянке в окошко жигуля моего соседа

– Мовлади, и не увидел у него на сиденье РГД-шки, которая всегда там валялась. Забеспокоился, вдруг куда-нибудь завалилась, сядет не заметит, так может и взлететь нечаянно, а парень нормальный, честно на хлеб зарабатывает, не разбоем, как его собратья. Пришлось задержаться с выездом, дожидаться его. Наконец нарисовался. Спросил что случилось и посоветовал поискать куда она упала. Он рассмеялся и сказал что обменял ее, показывает мне «макарова». Я заинтересовался, как же это ему удалось, ведь граната стоит 5 тысяч, а «макаров» – 60. Рассказал он мне с юмором и очень красочно. Оказывается он ее всегда в рейсе держал между ног, пассажирам не видно и всегда под рукой. Вечером остановили свои же сородичи – трое. Попросили отвезти к автовокзалу. Когда стали приближаться, попросили завезти в сторону за автовокзал в тихую улочку, которая шла на кладбище. Сказал что туда не поедет, там он ничего не забыл, и если хотят, могут туда пешком дойти. Один из пассажиров

вытащил пистолет, предернув затвор направил на него и стали ржать, что сам чечен, а такой трусливый. Пришлось ему вытащить гранату и выдернуть чеку. Теперь говорит, уже я сам стал смеяться, лица у них явно погрустнели, ведь стоит только отпустить руку и вряд-ли кто успеет сбежать, уцелеть же в салоне невозможно. Ну конечно «земляки» сказали, что они пошутили, сейчас заплатят и выйдут. Но он сказал что теперь сам шутить будет, а выйдут они по очереди, только после того, как он их сам обыщет. В итоге пистолет, два ножа и их бумажники остались на сиденье. Ножи и бумажники он вернул, правда без денег и удостоверений, сказав что их отыщут в случае чего его родственники, а вот пистолет реквизировал. Потом уехал, но отъехав не смог найти чеку и не знал сумеет ли ее вставить обратно, свет-то в салоне тусклый. Решил не рисковать, увидел в стороне от дороги какой-то открытый люк и бросил гранату туда. Вот так и получился обмен. Я оценил такой способ самозащиты, он мне очень понравился и впоследствии я им постоянно пользовался, к счастью чеку мне выдергивать не пришлось. Но и совсем гладко тоже не проходило.

Однажды ехал с товарищем к нему в микрорайон и высадив его, остановился в отдалении возле базара, расположенного между микрорайонами, ожидая возвращения товарища. Заметил, что какой-то немолодой шакал в штатском, нетвердой походкой направляется ко мне. Сразу понятно что ничего хорошего ожидать не приходится. Внимательно осмотрелся, вроде никто больше внимания на меня не обращает. Поставил обрез на взвод, положил между сиденьями и жду дальше. Подходит.

– Эй, жид, отвези меня в шестой микрорайон.

Начинаю беседу как с психически больным, стараясь его не волновать.

–Понимаешь, друг, у меня нет бензина и ехать я могу только в гараж, рад бы, но не могу. Кстати я не жид, а казак, если уж тебе интересно.

– Я тебе сказал, жид, что ты сейчас меня отвезешь, или я кину тебе за сиденье гранату и выскочить не успеешь.

Присмотрелся повнимательнее, может и не врет, один карман у него оттопыривается, уж не знаю, там граната или яблоко, но на пистолет не похоже. Выскочить быстро из «запора» и вправду трудновато. Еще раз быстро и незаметно осматриваюсь, никто вроде на нас не смотрит. Ставлю обрез стволами на дверку и направляю ему в живот.

– Ты вроде должен знать разницу между жидами и казаками. А теперь, очень спокойно, медленно и молча, ты отходишь от машины, лицом ко мне и не пытаешься дернуться или заорать,

стреляю я хорошо.

Он сразу трезвеет и начинает бледнеть.

– Да, ты не жид, но я тебя еще поймаю….

Одной рукой завожу мотор, переключаю скорость и плавно трогаюсь. Еще метров двадцать-тридцать, высунув руку, держу его под дулом и переключая скорости, хоть это очень неудобно, начинаю отрываться. Смотрю в зеркала, он стоит неподвижно. Пронесло. В этот раз удачно.

В марте поставил теще ультиматум, или мы продаем квартиру и уезжаем, или просто силком увожу жену, а ты как хочешь, нравится подыхать, дело личное. Поняла что я уже не отступлюсь, несмотря на все ее нытье. О нытье предупредил ее особо, что бы не пыталась действовать на нервы жене, она и так еле держится. Хватит ей рисковать, пройти по улице, не знаешь где подстрелят или еще что. Трамваи ходят без стекол, местами простреляннные, общественный транспорт как таковой начинает умирать, да и кому охота башкой рисковать. Дойти или доехать до базара, единственного источника продовольствия, целое путешествие. Конечно внешне все спокойно, но в любую секунду может начаться стрельба, благо на улицах вооруженных больше чем безоружных, а так как много из них обкуренных наркотиками или пьяных, то хорошего мало. Позвонил на работу шефу, объяснил ситуацию, он дал «добро» на необходимую задержку.

Покупателя искать трудно, все упирается в безопасность, но за месяц поисков вроде нашли из числа полузнакомых. Постарался ему намекнуть, что не люблю сюрпризов и «всегда готов», вроде он понял. Договорились, что деньги он отдаст в день нашего выезда в обмен на квартирные документы, т. к. квартиру мы уже приватизировали на жену и все бумаги приготовили. Взял у покупателя часть денег и начал готовиться. Основная трудность была с контейнером, т. к. это было уже невозможно, а теща уперлась и без родных вещей уезжать не хотела. Используя все остатки знакомств и деньги удалось раздобыть половинный, хотя он обошелся как золотой. Знакомых ребят уже практически не осталось и кое-как мобилизовал (естественно за приличную сумму) ребят с нашего большого двора. Ну и с билетами на поезд пришлось потрудиться изрядно. В день выезда, с утра пришел наш покупатель и принес деньги. С учетом того, что я у него уже взял, вся сумма составила только половину того, о чем договаривались. Он стал плакаться, что сейчас у него все в бизнесе и наличных больше и рубля нет. Я понимал реально, что на этом можно успокоиться и ставить крест, спасибо хоть что-то. Так оно в итоге и вышло. Договорились что отдадим документы уже в Москве, когда он

вернет оставшуюся половину.

Еще одна проблема – наш кот Тэдди. Мы не смогли его вовремя кастрировать, хотя долго искали специалиста, и сейчас он начал устраивать нам «скандалы». У него наступил брачный период и мы поняли что не в состоянии везти и инвалида, и кота с проблемами. Одна наша знакомая, жившая в своем доме, согласилась его взять. Мы постоянно навещали его и увидели что через две недели он стал совсем другим, привык к вольной жизни и совсем от нас отвык. Он тоже стал частью нашей жизни, но как бы ни было больно, нам пришлось с ним расстаться, хотя мы знали что оставляем его навсегда.

Привезли контейнер и моя бригада уже готова была приступить к погрузке, как теща устроила истерику, что если не отдадут оставшиеся деньги, то она никуда не поедет. Я психанул, ведь тоже все время на взводе, с таким трудом все организовал и в последнюю секунду, когда все и так висит на волоске, еще слушать вопли этой дуры и ее успокаивать. Мало того, что по ее милости несколько лет глупого риска, так еще и сейчас терпеть ее сцену? Выхватил наган и сказал что всажу в нее весь барабан, если она не заткнется. Возможно что так бы и сделал, уже мало что соображал от ярости, если бы жена не повисла у меня на руке. Теща испуганно затихла и забилась в дальний угол. Дальше все пошло по порядку. Весь этот хлам который теща тащила с собой в итоге все равно потом пришлось выкидывать, за малым исключением, но сейчас ребята старательно затрамбовали весь контейнер и он отбыл на станцию. Далее только оставалось надеяться что он дойдет нормально, если вообще дойдет. На оставшуюся мебель и кучу разного барахла созвали знакомых, телефон еще работал. Теща тут же начала торговаться с ними за каждый рубль, хотя на мой взгляд надо было просто отдать все лишь бы взяли, да и откуда деньги у людей в такое время. Несмотря на мои протесты и вмешательства, ей все же удалось что-то наторговать, уж не знаю сильно-ли она разбогатела с этих грошей.

К вечеру приехала машина, которую организовал наш покупатель и мы отбыли на вокзал. Наше купе оказалось занято и нам с покупателем пришлось изрядно посуетиться чтобы все-таки уладить вопрос. Спасибо, что он был сам заинтересован чтобы мы все же уехали. В итоге погрузились в купе, затащили тещу, закрылись изнутри и отбыли. На этом наша грознеская жизнь благополучно закончилась. Мы знали что навсегда оставляем эту землю, на которой прошла большая часть нашей жизни, в которой остались могилы наших родных и друзей.

Когда приехали в Москву, на следующий день в новостях

сообщили что по Грозному пошли танки и несколько зданий было расстреляно. За привезенные деньги мы не смогли купить даже маленькой однокомнатной квартиры, спасибо, что к тому времени мне выделили служебную, на территории нашей базы отдыха. И жизнь покатилась вперед.

Послесловие…

Что было дальше?

Судьба беженцев в родной стране, одна из миллионов. Скитание по подмосковью, вынужденная эмиграция и прощальный «привет» ельцинского аппарата в виде лишения российского гражданства. Затем – канадский паспорт оплаченный дорогой ценой западной «демократии» и работа в Корее, откуда сейчас и пишу эти строки…

(Ноябрь 2000)